

**О ВРЕМЕНАХ,
О ПРАВАХ**

**Шпилов
Андрей
Васильевич** — профессор Воронежского государственного педагогического университета. Постоянный автор журнала.

БЫЛА ЛИ ЧЕСТЬ?

© 2007

А.В. Шпилов

“Историки не читают исторических романов” — гласит одно из популярных выражений цехового фольклора. Тем более не могут они смотреть исторические фильмы — подумал я, в очередной раз наткнувшись при переключении каналов на какую-то из серий известной эпопеи о гардемаринах. Как всегда, особенно неприятно резанул слух припев со строками: “Была бы честь, была бы честь!”. “Не было у них чести”, — произнес я вслух и снова взялся за пульт.

Конечно, я был не прав. Вернее, и прав, и не прав одновременно. Та честь, о которой рассуждают персонажи художественных фильмов, посвященных отечественной истории XVIII века (кроме “Гардемаринов” здесь можно вспомнить и, мягко говоря, вольную экранизацию “Арапа Петра Великого” с Высоцким в роли Ганнибала, да мало ли что еще), и то личное достоинство, которое они в каждом втором эпизоде выказывают, были. Но не у них. То понимание чести и достоинства, которое демонстрируют разного рода “гардемарины”, начало складываться в русском обществе не ранее правления Александра I, — как, впрочем, и само это (гражданское) общество. А проецирование мышления/поведения 1820-х годов на 1740-е, а то и на 1710-е — не что иное, как чистойшей воды анахронизм.

Носитель чести: субъект или предикат?

Современные представления о достоинстве/правах личности, которыми она обладает уже по факту рождения, независимо от происхождения, статуса, благосостояния и т.п., восходят именно к той, условно говоря, “пушкинской” эпохе, и не ранее. Но исследования историков «школы “Анналов”» и их последователей, разного рода рассуждения о “Другом” и т.п., — все это как горох от стенки отскакивает от поверхности массового сознания, отождествляющего “сегодня” с “всегда”. Поэтому не только герои эпохи Петра Великого ведут себя как герои эпохи Александра Благословенного, но и какие-нибудь древнеславянские вожди VI века легко оперируют понятиями патриотов-державников XX столетия (“Русь изначальная”). Для массового сознания акцентировать историчность — значит разрушать идентичность; искать свое начало во времени — значит делать неприличные намеки на свой же неизбежный конец. И кино-/теледеятели, движи-

мые столь же благими, сколь и неосознаваемыми намерениями, стараются в этом случае, как говаривал еще один, на этот раз чисто литературный, персонаж, “не в интересах истины, а в интересах правды”. Но попробуем поступить наоборот и постараемся восстановить историческую справедливость хотя бы в конкретном вышеуказанном случае — в вопросе о содержании понятия “честь” применительно к эпохе первой половины XVIII века.

В позднейшем смысле честь есть совокупность интериоризированных установок индивида, исполняющая функции мотиватора/регулятора его социального поведения. Это нечто подчеркнуто внутренне-личностное. Но такое понимание чести — действительно позднейшее, относящееся к XIX в. (и даже второй его половине); в более ранние эпохи понятие “честь” имело значение, во-первых, овнешненно-эктериоризированное, а во-вторых, социально-групповое. Феномен чести прошел долгую эволюцию — от чести чина как известного разряда служилых людей через честь чина как показателя табельного ранга к чести сословной и лишь позднее личной. По ходу дела природа его менялась с коллективно-внешней на индивидуально-внутреннюю, и процесс этот растянулся на несколько столетий.

Изначально “честь” на Руси понималась, с одной стороны, как почет и слава, с другой, — как почитание и благоговение¹. Позднее религиозные оттенки значения слова отошли на второй план, а на первый выдвинулись социально-политические: честь теперь была, во-первых, честью рода, во-вторых, — честью чина. В эпоху Московского царства, особенно после правления Ивана Грозного и Смутного времени, когда пресекалось множество родов, восходивших к владетельным князьям удельного периода, деление по чинам стало постепенно перекрывать и нивелировать старое деление по “порode”, так что и честь чина получила преобладание над честью рода. В Московии “чин” обозначал отношение лица (группы) к суверену, его обязанность служить царю (“холопы государевы”), платить ему (“сироты государевы”) или возносить за него молитвы (“богомольцы государевы”). Как писал В.О. Ключевский, в XVI–XVII вв. на Руси “государственная повинность стала основанием общественного деления”², поэтому вне системы чинов остались лишь холопы, казаки и гулящие люди, т.е. те, кто не исполнял тех или иных повинностей; впрочем, вотчинно-сеньориальный режим постоянно пытался прибрать к рукам все без исключения население страны, резко сократившееся после потрясений начала XVII в., и весьма в том преуспел.

Соответственно, честь чина означала в это время степень полезности лица и/или группы для государя, и именно в этом качестве обеспечивалась юридически. Вопросам, связанным с нанесением “бесчестья”, было посвящено целых 72 статьи X главы Соборного уложения 1649 г., при этом честь буквально каждого как мирского, так и духовного чина оценивалась с показательной скрупулезностью — в диапазоне от чести патриарха до чести гулящего человека. Например, бесчестье, нанесенное епископу, каралось штрафом в 400 рублей (это если обидчиком выступал думный чин; для виновников низших чинов наказанием в этом случае была тюрьма), а бесчестье, нанесенное холопу, наказывалось штрафом в 1 рубль. Особые штрафы были установлены за бесчестье по отношению к архимандритам, игуменам, келарям, начекам и старцам конкретных монастырей, попам и дяконам конкретных соборов и т.д.; штраф за бесчестье, нанесенное жене, сыну

А. Шпилов
Была ли честь?

¹ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 386.
² Ключевский В.О. История сословий в России. Петербург, 1918. С. 124.

О ВРЕМЕНАХ, О ПРАВАХ

или дочери, рассчитывался по определенной пропорции от штрафной суммы за бесчестье, нанесенное главе семьи³.

Понятно, что ни о какой личной "чести" здесь речь не шла — прежде всего потому, что еще не существовало самой этой личности, отдельной от общества; общества, отдельного от государства и даже государства, отдельного от государя. Московское "государство" — это государево государство, нечто вроде субъективированного прилагательного (типа "первый" — "первенство", "главный" — "главенство"); конечно, имеется в виду не грамматика, а семантика), отвечающего не на вопрос "что это?", а на вопрос "чье это?". Государь — субъект государства, государство — предикат государя, он — единое многого, оно — многое единого. В персоне государя государство видит самого себя, он выступает носителем функции самовосприятия данного социально-политического (точнее, политическо-социального) организма. Государь и государство взаимоотожествляются: правитель смотрит на управляемых как на продолжение самого себя, периферию своей персоны; и точно так же последние видят в правителе централизованную и конкретизированную явленность собственной сущности; он — их душа, они — его тело. Поэтому и честь чина — это не что иное, как честь государя, и нанесенное чину бесчестье — это бесчестье, нанесенное государю; когда один человек оскорбляет другого человека, он оскорбляет того, кто принадлежит государю, и тем самым последнего, за что тот и наказывает.

Свой предикативный статус, свое самоопределение в терминах принадлежности москвиты всех чинов демонстрировали при каждом обращении к царю-хозяину, что было формализовано в официальном этикете: по свидетельству Г. Котошихина, бояре, воеводы и прочие служилые люди, в соответствии с "титлой", должны были писать «"бьет челом холоп твой князь или боярин" и простой человек полумиянем же, без княжества и без чину; а посадские люди и крестьяне пишуща в челобитных своих "рабами и сиротами"»⁴. Вот слова А. Олехаря: "Князья и вельможи обязаны проявлять свое рабство и ничтожество перед царем еще и в том, что они в письмах и челобитных должны подписываться уменьшительными именами, т.е., например, писать "Ивашка", а не Иван, или "Петрушка, твой холоп". А вот подробная информация А. Мейерберга: "Просьбы, ему [царю] издаваемые, все без различия подписывают из унижения уменьшительным именем, так что если кого зовут Степаном, подписывается "Степкой". А патриарх и все прочие из духовенства, также и монахи: "богомолец твой" или "богомолца твоя". Думные бояре, все дворяне и прочие воинские чины из народа: "холоп твой"; купцы первого разряда, которых зовут гостями: "мужик твой"; купцы низшего разряда и иностранцы: "сирота твой"; женщины благородного звания: "рабица твоя"; деревенские жители: "крестьяне твои"; слуги думных бояр: "человек твой"»⁵. Понятно, что и их честь была не их, а государевой, и ни о каком "личном достоинстве" вопрос не стоял (в рамках данной понятийной системы его вообще невозможно поставить).

Отделение монархии от монарха

Только правление Петра I положило начало процессу отделения государства от государя. Трудно не обратить внимание на удивительное сходство биографически-исторического сценария жизни и дея-

В.М. Васнецов
Царь Иван Васильевич Грозный
1897

А. Шенников
Была ли чест

³ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 102–110.

⁴ О России, в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб., 1859. С. 105.

⁵ Рябцев Ю.С. Хрестоматия по истории русской культуры: Художественная жизнь и быт XI–XVII вв. М., 1998. С. 370–371.

тельности Петра с мифологическими сюжетами, рассказывающими об основателях новых обществ и/или государств. Особа царской крови после недолгих лет счастливого детства волей судьбы и могущественных противников оказывается в изгнании, растет в низко-статусном социальном окружении, возмужав, собирает дружину из преданных людей и возвращает себе трон, однако не останавливается на этом и создает новый социум на новых основаниях, которому уготована великая будущность. Так и кажется, что читаешь “Историю Рима от основания города” Тита Ливия. Наверное, живи Петр тысячько лет раньше и не будь у нас такого количества источников, — его сочли бы мифологическим героем вроде Ромула. Это инвариант героического мифа как такового. Здесь все налицо: младший сын любящего, но рано умершего отца, враждебное отношение сводных брата и сестры, собственное героическое детство — “удивительные способности и раннее достижение зрелости”, последующее “изгнание героя из своего социума”, которое “мотивировано... опасностью, которую он представляет для... вождя”, “временная изоляция и странствия в других странах”, “борьба с демоническими противниками”, добыча культурных объектов в “отдаленных местах, иных мирах”; “активность героя в развитых образах мифа и эпоса способствует формированию особого героического характера — смелого, неистового, склонного к переоценке собственных сил”⁶ — и т.д. и т.п. Культурный герой и демиург — вот кем предстает Петр I, и у будущих, а может, и настоящих Фоменко и К° достаточно оснований, чтобы объявить мифом первого российского императора и всю его эпоху.

Однако, это не миф, хотя реальность в данном случае уподобилась мифу. Действительно, будучи фактически изгнанным из Кремля и оказавшись в Преображенском, юный Петр попал в окружение лиц полуопальных или просто удаленных от большого дворца; и сам он, и его люди были на положении полуизгоев, и естественно, все попытки самоутверждения этой группы приобретали по отношению к Москве и всей московской традиции негативный, отрицательный характер. Петр идет от противного, он приближает к себе захудалых дворян и иностранцев из Немецкой слободы; его раздражают сами формы жизни московского владетельного дома, и он собирает свою “компанию”, настоящую дружину с принятым в ней подчеркнуто неформальным общением. Петр сам бессознательно играет роль дружинного вождя: он властвует не потому, что получил эту власть и монарший сан по наследству, а потому, что он лучший — в ремеслах, военных делах и прочем; он постоянно доказывает, что все умеет — и строить корабли, и рвать зубы.

Петр как бы не хочет быть царем (его бывший денщик А.К. Нартов вспоминал: «Я знаю достоверное, понеже я слышал из уст монарших, что он сказал так: “Если бы я не был царем, то желал бы быть адмиралом великобританским”»⁷). Но это не голштинские мечтания Петра III о мундире прусского генерала и не идилические размышления Александра I о маленьком домике на Рейне: Петру претит не царский статус, а царский имидж. Скорее бессознательно, чем обдуманно, он начинает свою травестийную эпопею: с начала 1690-х гг. Ф.Ю. Ромодановский, начальник Преображенского приказа, получает титул “князя-кесаря”, по отношению к которому сам царь выступает подданным. Петру среди своих больше нравится

⁶ Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 296–297.

⁷ Россию поднял на дыбы... В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 541.

быть бомбардиром или капитаном, нежели царем — иными словами, ему не нравится быть “царем”. О серьезности этой игры говорит ее продолжительность — Петр обращался к Ромодановскому как к “государю” не только во времена Азова, но и во времена Полтавы; более того, после смерти в 1718 г. Федора Юрьевича должность князя-кесаря перешла к его сыну Ивану Федоровичу, и император продолжал писать донесения последнему как “Вашего величества низжайший слуга Петр” вплоть до самой смерти⁸. Негация образа “царя” со временем интериоризировалась, превратившись в настоящую фобию, проявлявшуюся не только в бесконечных маскарладах и перодеваниях, но и в том, что Петр, будучи не только официально, но и в высшей степени реально неограниченным монархом, в течение всей жизни предпочитал играть в себя как далеко не первого человека в государстве (его служба, упорное нежелание быть главнокомандующим и пр.). Так влещее противопоставление преображенского изгоя кремлевским противникам перешло во внутреннее отталкивание радеющего об “общем благе” императора от ненавистного образа государя-вотчинника.

Именно идея “общего блага” стала для Петра инструментом деперсонализации политической власти, абстрагирования государства от государя, благодаря чему он явился первым в российской истории монархом, для которого стала возможной ипостась частного лица. Но если монарх выступает частным лицом, то монархия логически неизбежно становится общественным институтом: государь и государство разделились, стали оппонировать друг другу как одно и иное, и тем самым превратились в части некоей целостности, воспринимаемой каждым из оппонентов под видом противоположного. Государь заботится о благе подданных как о своем благе, свое же благо отождествляется с благом подданных; подданные, в свою очередь, заботятся о благе если не монарха, то монархии как о своем собственном, рассматривая это как службу отечеству. Для монарха отечество — это подданные плюс общее благо, для подданных отечество — это монарх плюс тот же самый абстрактный довесок.

Некоторое представление о революционности новых взаимоотношений монарха и подданных можно получить, если представить себе Ивана Грозного, рассматривающего свою жизнь как служение народу, или Михаила Федоровича, начинающего службу городовым дворянином и постепенно добирающегося до чина думного боярина. Но Петр действительно служил, последовательно проходя все ступени от бомбардира и матроса до вице-адмирала и полного генерала, получал соответствующее жалование и даже заставлял следовать отцовскому примеру своего сына Алексея. Это стало традицией — после Петра I каждый новый монарх и даже монархиня получали чин гвардейского полковника: так, Анна Иоанновна “служила” полковником (полковницей?!) Преображенского полка, Елизавета Петровна — Семеновского полка и т.д. Понятно, что эта служба была чисто номинальной, но представим себе Алексея Михайловича в чине полковника Стремяного полка (стрелецкая гвардия): это не представимо потому, что в данном случае царь XVII века служил бы самому себе, в то время как монархи XVIII века служили отечеству и общему благу, даже если представляли собой нелегитимных узурпаторов.

⁸ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 510.

Национализация чести

Пафос идеи службы реализовался в знаменитой Табели о рангах, упразднившей старомосковский чиновный строй и создавшей систему новых чинов. Теперь чин означал ранговую позицию того или иного лица на восходящей лестнице гвардейской, армейской, флотской, статской и придворной службы; все, кто служил, теперь были “чиновниками”, а все, кто на службе не находился, чинов не имели. Тем самым последние утратили даже ту весьма специфическую “честь”, которой обладали в XVII веке: все дворяне служили, соответственно, все табельные чиновники были дворянами, так что тот, кто не являлся дворянином/чиновником, не имел и чиновной/дворянской чести. Впрочем, и тот, кто ее имел, все же не имел ее — в том смысле, что это была честь чина, а не его носителя; его честь была уже не государственной, но еще государственной, так что бесчестие теперь наносилось не той эманации персоны государя, в качестве которой выступал каждый его подданный в московскую эпоху, а воплощению абстракции государства, каковым теперь являлся чиновник. За нанесенное табельному чину бесчестие и наказывало именно государство, а вовсе не само конкретное лицо, самостоятельные действия которого в этом случае рассматривались как узурпация прерогатив государства и, в свою очередь, жестоко карались: когда русские шляхтичи познакомились в Европе с практикой дуэлей и попытались перенести ее под сень родных осин, то получили весьма недвусмысленное вразумление на этот счет от самого монарха. Артикул воинский 1715 г. гласил: “Все вызовы, драки и поединки чрез сие наихвостчайше запрещаются... Кто против сего учинит, оный всеконечно, как вызыватель, так и кто выйдет, имеет быть казнен, а именно повешен, хотя из них кто будет ранен или умерщвлен, или хотя оба не ранены от того отойдут. И ежели случится, что оба или один из них в таком поединке останетца, то их и по смерти за ноги повесить. Ежели кто с кем поссорится и упросит секунданта (или посредственника), онаго купно с секундантом, ежели пойдут, и захотят на поединке битца, таким же образом, как и в прежнем артикуле упомянуто, наказать надлежит”⁹. Иными словами, вешать было приказано всех — и дуэлянтов, и секундантов, и даже трупы павших в “поединке чести”: таков был русский ответ на европейский вызов.

Зато носители новых табельных чинов получили принципиально новую возможность увеличивать, наращивать свою честь. Если старомосковские чины не представляли собой связной последовательности — границы между вертикальными разрядами чинов были закрытыми и почти никогда не пересекались, то новая система являлась именно лестницей, восходить по которой требовалось с самой нижней ступени, получая очередные чины по выслуге или, в редких случаях, за особые достоинства и заслуги. Соответственно, со служебным ростом росла и честь, так как это была отныне честь именно табельного чина. В Табели имелось 14 классов чинов, и ровно столько же теперь было видов — точнее, уровней — чести: иначе говоря, штаб-офицер был более *честным*, чем обер-офицер, а тайный советник настолько же превосходил по своей чести статского советника, насколько тот был *честнее* надворного советника. Конечно, по сравнению с московским пониманием чести это был прогресс, однако не следует поддаваться искушению анахронической модернизации: новая

⁹ Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 352—353.

“честь” являлась честью табельного чина, а вовсе не личностью как таковой. Задетый вице-канцлером П.П. Шафировым, советник Степанов в 1722 г. заявлял: “Я о своей персоне не говорю, только характер канцелярии советника не допускает не токмо побои, но и брани терпеть”¹⁰; иными словами, если чин уже не позволял терпеть даже брани, то “персона” еще позволяла терпеть побои — и если бы одни только побои!

Как и в предшествующие столетия, на протяжении всей первой половины XVIII века нормой русского права оставались телесные наказания, пытки, калечение и изощренные виды смертной казни, причем все это применялось по отношению к поданным любого разряда, отнюдь не исключая дворян (в том числе носителей высших чинов и титулованную знать) и священнослужителей. Все это оставалось повседневной бытовой реальностью и при Петре I, и при Анне Иоанновне, и даже при Елизавете Петровне: закапывание в землю живьем, сожжение, сажание на кол, колесование, не говоря уже о тривиальном отсечении головы или повешении — вот что ждало осужденного на смерть вне зависимости от того, был он холопом, князем или княгиней. (В 1754 г. смертная казнь была сенатским указом заменена наказанием кнутом и ссылкой на каторжные работы, однако он не всегда выполнялся). Немногим лучше приходилось получившим иной, не смертный приговор: так, сосланных на каторгу клеймили и вырывали им ноздри — в 1724 г. был издан указ, в котором говорилось, что у многих каторжных “ноздри вынуты малознато”, и было строго предписано вынимать их до кости; вырывать ноздри и клеймить лицо было запрещено лишь в 1757 г., причем запрет касался только женщин. По сравнению с этим кнут, дыба, угли, щипцы могли считаться мелочью; пытки являлись неотъемлемой составной частью процедуры дознания (в качестве гарантии правдивости показаний), причем пытали (троекратно!) всех — истца, ответчика и свидетелей, и это не только по политическим, но и по уголовным делам, и не только в отношении слуг, но и в отношении “господ”. Даже священников, случайно пропустивших табельные богослужения, т.е. обязательные службы в дни коронаций, тезоименитства членов царствующей фамилии и военных побед, пороли плетью, ссылали или отправляли на тяжелые работы (за умышленный пропуск “торжественных и викториальных дней” вообще следовала смертная казнь); попам, укрывавшим от переписи ревизские души, рвали ноздри. Телесные наказания для дворян были отменены лишь Жалованной грамотой 1785 г. для священнослужителей — вообще только в 1801 г., а до тех пор случалось, что секли причт целых уездов, после чего святые отцы, как ни в чем не бывало, продолжали осуществлять свое духовное служение и окормлять паству.

При этом следует учитывать временную дистанцию свидетельской традиции: очевидцы того, как колесовали вельмож Анны Иоанновны и вырезали языки придворным дамам Елизаветы Петровны, жили и трудились еще многие десятилетия, имея полную возможность почтительно на склоне лет рассуждения о правах человека и гражданина, почесывая не раз поротые в молодости спины. Некоторые из тех, кто начинал служить при Петре I, заканчивали службу при Екатерине II (например, Ф.Ю. Аш: 1683–1783; И.И. Неплюев: 1693–1773; И.И. Бейкой: 1704–1795), вступавшие в жизнь в эпоху правления Анны Иоанновны уходили из нее при Александре Павловиче (Я.И. Сиверс: 1731–1808), а те, кто помнил времена Елизаветы Петровны, успевали застать начало

царствования Николая I (Л.Л. Беннигсен: 1745–1826). Все это были люди честные и достойные, только вот честь и достоинство они понимали несколько иначе, чем их собственные дети и внуки.

Проявлялось это, в первую очередь, по отношению к монарху: конечно, XVIII век кое в чем отличался от XVII — так, уже в 1701 г. (знаковая дата) Петр I упразднил ряд старомосковских этикетных норм обращения к царю, в соответствии с которыми даже царица Евдокия Лопухина начинала свои письма к мужу со слов “Женишка твоя Дунька челом бьет”. (Нартов в своих “Достопамятных повествованиях и речах Петра Великого” рассказывает об этом так: “Его величество, отменяя старинные обряды, изъявляющие униженности человечества, в 1701 году, декабря 30 дня, запретил, чтоб не писать и не называть уменьшительными именами вместо полного имени Дмитрия Митькою или Ивашкою, чтоб не падать перед ним на колени, и чтоб зимой, когда морозно, не снимать шляп и шапок с головы, проходя мимо того двора, где обитает государь”¹¹). Однако действие этого указа в последующие десятилетия было не слишком заметным. Вот, например, что свидетельствует К.Р. Берк о временах Анны Иоанновны: “Нам, европейцам, очень режет глаз восточный обычай падать наземь и биться лбом о пол у ног государя, прося его о чем-то или благодаря за какую-то высокую милость... Несклько странно также, что всякий, кто мимо дворца идет, едет или плывет на судне, должен обнажить голову”¹². Официальной формой обращения к государю продолжало оставаться слово “раб” — так себя именовали даже члены петровской “компании”, не говоря уже о “рядовых” вельможах. Указ 1721 г. “Об императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах” законодательно закреплял эту форму: в челобитных и в отписках, т.е. в документах на имя императора, подписываться следовало “Вашего Императорского Величества нижайший раб имярек”¹³. Согласно Генеральному регламенту 1720 г., всякий гражданский чин обязывался “верным, добрым и послушным рабом и поданным быть”¹⁴; “поданный” и “раб” употребляются здесь как синонимы. В.Н. Татищев подписывает письма Петру I, Екатерине I, Анне Иоанновне, Елизавете Петровне как “все-нижайший раб” или “всеподданнейший раб”; М.В. Ломоносов, посвящая в 1755 г. свою “Российскую грамматику” великому князю Павлу Петровичу, подписывается “все-нижайший раб”; князь Я.П. Шаховской — обер-прокурор Синода, генерал-прокурор Сената, в письмах и к Елизавете Петровне, и к Екатерине II подписывался “всевернейший, радельнейший и всепокорнейший раб”¹⁵.

Этот не слишком благозвучный титул бытовал не только в официальном, но и в приватном этикете. “Рабом” именовали себя при обращении не только к монарху, но и просто к любому лицу, стоящему выше по чину и знатности. В.Н. Татищев пишет в 1717 г. своему непосредственному начальнику В.Я. Брюсу, подписываясь почти так же, как при обращении к Петру I — “покорнейший раб” или “нижайший раб”. Только Екатерина Великая заменила слово “раб” как нормативную форму обращения к монарху словом “поданный”.

Честь холопов государевых

Если придворные сановники обращались к монарху как рабы, то и монархи, будь то сам Петр I или его “дщерь” (Елизавета Петровна), относились к ним как к холопам — здесь традиции старомосков-

¹⁰ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 3. М., 1995. С. 196.

¹¹ Россия поднял на дыбы... С. 547.

¹² Беслятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 156, 158.

¹³ Рябцев Ю.С. Хрестоматия по истории русской культуры: Художественная жизнь и быт XVIII–XIX вв. М., 1998. С. 245.

¹⁴ Реформы Петра I. Сборник документов. М., 1937. С. 109.

¹⁵ Татищев В.Н. Записки. Письма. М., 1990. С. 232, 306; Ломоносов М.В. Письма. Проза. Письма. Воронеж, 1986. С. 89; Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 178–179.

ского сенъоризма оказались особенно стойкими. Невданные "государевы холобы" мало чем отличались от обычных, и государи распоряджались своими дворянами с той же свободой и непринужденностью, что и эти дворяне своей дворней. И Петр, и Елизавета женили и выдавали замуж своих придворных по собственному усмотрению, совершенно так же, как помещики делали это с крепостными. Любимый все связанное с морским делом, плаванием, водой вообще, Петр плавал по морям и рекам в любую погоду, при каждом удобном случае, но не один, а со всем двором, усаживая за весла и под парус своих сенаторов и генералов — так было и в старой, и еще более в новой столице, где царь выдал всей знати и высшим чинам яхты, шлюпки и буера с тем, чтобы они сопровождали его во всех речных и морских поездках по Неве и Финскому заливу; разумеется, никаких ссылок на морскую болезнь не принималось — желание царя было законом для придворных так же, как для дворовой челяди желание господина.

С течением времени дворцовые нравы, конечно, постепенно смягчались, однако до признания личного достоинства придворных (уже не говоря обо всех остальных) было еще далеко. Так, Елизавета Петровна могла запросто приказать дамам своего двора обречься наголо (она неудачно окрасила волосы, в результате чего их пришлось срезать; никто при дворе не мог быть привлекательнее императрицы, потому несчастным придворным дамам пришлось носить черные парики, пока императрицыны, а вместе с тем и их собственные волосы, не отросли на необходимую длину).

В шутках у просвещенных монархов служили только дворяне и часто титулованные лица: так, шутом Петра I был князь Ю.Ф. Шаховской, шутами Анны Иоанновны трудились князья Н.Ф. Волконский и М. Голицын, граф А.П. Апраксин. Как вспоминал Эрнст Миnich, "должность большей части сих людей состояла более ругаться и драться между собою, нежели какие-либо смешные шутки делать и говорить... Российские князья из знатнейших фамилий должны были в сии роли записываться"¹⁶. Так оно и было на самом деле: например, датский посланник Юст Юль описывает одно из празднеств, на котором он присутствовал, где, между прочим, "князь Шаховской ... добровольно принимал пощечины за червонцы, кто больше даст"¹⁷. Княгиня А.П. Голицына, урожденная княжна Прозоровская (напомним, что Голицыны — это Гедиминовичи, а Прозоровские — Рюриковичи), служила шутигой при Екатерине I. Эта статс-дама в 1718 г. проходила по делу царевича Алексея и была бита батогами, затем вновь возвратилась к исполнению своих служебных обязанностей, некоторое представление о которых можно получить из записей в приходно-расходных книгах кабинетным суммам: "Будучи в Ревеле дано по приказу господина вице-адмирала Настасье Голицыной, что ее по рукам били, 10 червонных" (1715 г.); "В Шверине царское величество пожаловало княгине Настасье Голицыной за вытье 20 червонных" (1716 г.); "1722 год. Настасье Голицыной за то, что она перед их величеством плакала, 15 червонных"¹⁸.

Шутовская служба князей и графов никого не смущала, и прежде всего их самих: понимание чести и достоинства оставалось внешне-безличностным, индивидуальная честь и внутреннее достоинство просто еще не успели появиться, так что психология придворных мало чем отличалась от психологии дворовых — тем более, что при тогдашнем петербургском дворе те и другие не только тесно общались,

но и могли меняться ролями. Это был своего рода монархический демократизм, равенство в ничтожество — по крайней мере, на бытовом уровне. Когда племянница Петра, Екатерина Ивановна, в 1722 г. приехала из Мекленбурга в Москву погостить у матери, ей захотелось устроить в Измайлове театр по немецкому образцу. В этот придворный театр, как пишет М.И. Семевский, "актрисы набирались из придворных дам и фрейлин, актеры из крепостных, доморожденных артистов"¹⁹: придворные и челядь выступали на одной сцене (а также репетировали и пр.), и никого не смущало такое, казалось бы, странное соседство. Зато подобная практика немало смущала иностранцев — тот же Юст Юль отзывался о высшем обществе петровского времени следующим образом: "Русские сановники весьма невыдержанны в соблюдении своей чести и достоинства. То их офицеры, до бригадиров включительно, ухаживают за ними, как лакен, прислуживают и наливают им вино, то они обращаются с ними запанибрата, как с товарищами. От обеда до поздней ночи сановники могут с самыми младшими своими подчиненными курить, пить и играть в карты на деньги, что у нас считалось бы неприличным и для простого капрала"²⁰.

Но представления о приличиях у русских сановников были самыми простыми и полностью соответствовали духу и обычаям людской. И пьянство, и драки за царским столом были делом обычным, причем ради справедливости стоит отметить, что участвовали в этом не только наши вельможи, но и иностранцы русской службы.

Великий реформатор много работал, но любил и отдохнуть, поселиться — как именно, можно себе представить из следующих свидетельств иностранцев. Корб рассказывает об одном обеде монарха в гостях у австрийского посла (1698 г.): "Боярин Головин чувствует врожденное отвращение к салату и уксусу. Полковник Шамберс по царскому повелению схватил сего боярина и крепко держал, а царь наполнял в это время ноздри и рот Головина салатом и уксусом, пока тот не закашлялся так, что у него бросилась из носу кровь"²¹. Можно было бы списать некоторую эксцентричность такого поведения на молодость царя, получившего воспитание в трактирах Немецкой слободы, однако дневник Берхгольца свидетельствует, что манеры Петра не улучшились и четверть века спустя. Так, в ноябре 1721 г. генерал-майор, обер-сарваер, адмиралтейский советник И.М. Головин выдавал замуж одну из дочерей, и свадебный пир почтил своим посещением Петр I, только что принявший титул императора. "За обедом много смеялись, — пишет Берхгольц, — ...над старым Иваном Михайловичем, отцом невесты, сидевшим против императора, который все с ним шутил. Кто не видел, тот не может представить себе, какое огромное количество желе съедает этот старик с величайшею поспешностью. ...Император, уже знавший его слабость, тотчас заметил это и велел ему открыть рот, а сам встал с своего места, взяв стакан с желе и, отделив его ножом, влил одним разом тому в горло, что повторил несколько раз и даже своими руками открывал Ивану Михайловичу рот, когда он разевал его не довольно широко. Бедный дружка (молодой князь Трубецкой) также терпел немало за столом императрицы: лишь только государыня подавала знак, сестра его, княгиня Черкасская, прислуживавшая за обедом и стоявшая позади брата, начинала щекотать ему под шейей, а он всякий раз принимался реветь как тележник, которого режут, что гостей очень потешало".

¹⁶ Базверменьев и временщики: Воспоминания об "эпохе дворцовых переворотов" (1720-е — 1760-е годы). Л., 1991. С. 162.
¹⁷ Петр Великий. М., 1993. С. 107.
¹⁸ Цит. по: Ильина Т.В. Русское искусство XVIII века. М., 1999. С. 78.

¹⁹ Семевский М.И. Царица Праксковь. С. 145.
²⁰ Цит. по: Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 3. С. 193.
²¹ Рождение империи. М., 1997. С. 99.

Подобного рода факты и тексты можно приводить до бесконечности, однако думается, что в этом нет большой необходимости: сказанного достаточно, чтобы составить впечатление о том понимании чести и о том отношении к достоинству личности, которые бытовали в России первой половины XVIII века. Только после Манифеста 1762 г., освободившего дворянство от обязательной службы, и особенно после Жалованной грамоты 1785 г., законодательно обеспечившей имущественные, политические и личные права/привилегии благородного сословия, в России народилось поколение, по Н.Я. Эйдельману, “непоротых дворян” и стала формироваться концепция сословной дворянской чести как особого социального института. Только тогда, когда процесс отделения государства от государя перерос в процесс отделения общества от государства, когда началось мучительно долгое становление российского civil society и возникла новая, по сравнению с официально-служебной и семейно-приватной, социальность, — стали возможны сначала индивидуально-единичные, а затем и коллективно-массовые акции протеста против оскорбления чести дворянина вышестоящими лицами, вплоть до членов самой императорской фамилии²². При Александре I, и еще больше при Николае I, честь уже выступает чем-то таким, что является не принадлежностью табельного чина, а неотъемлемым достоянием дворянина вне зависимости от его положения в таблице рангов. Более того, в это время становится возможным поставить вопрос и о чести нижних чинов — так, генерал А.Ф. Орлов (сын одного из знаменитых братьев Орловых, чей фавор у Екатерины II измерялся 45 тыс. душ и 17 млн. рублей, начавший кампанию 1812 г. 24-летним кавалергардским штаб-ротмистром, а закончивший войну в чине генерал-майора, будущий граф и князь), командующий в 1820 г. пехотной дивизией, в специальной инструкции для полковых командиров приказывал: “Унтер-офицеров и кавалеров от телесных наказаний вовсе освободить, в них первых должно стараться поселить дух чести и гордое познание собственного достоинства”; в другом приказе он убеждал “господ полковых командиров и всех частных начальников”, что “солдаты такие же люди, как и мы, что они могут чувствовать и думать, имеют добродетели, им свойственные, и что можно их подвигнуть ко всему великому и славному без палок и побоев”²³. Отсюда было уже рукой подать и до “гоголевской шинели”, до либерально-демократических представлений о том, что честь и достоинство могут и должны быть у каждого человека, вне зависимости от его сословной, половой, возрастной, национальной, расовой и прочей принадлежности; впрочем, в первой половине XIX века это оставалось делом еще довольно отдаленного будущего.

Но тем дальше было это светлое будущее для русского человека первой половины XVIII века, даже для дворянина, сановника, вельможи. Разумеется, они обладали теми или иными представлениями о должном и недолжном поведении, отличали честное от нечестного и достойное от недостойного; но даже будучи исполненным всяческих достоинств, русский дворянин 40-х гг. XVIII в. был весьма непохож на русского дворянина 40-х гг. XIX в., их разделяли сто лет и пять поколений, а это немалый срок для истории Нового времени. История — это не царство тождества, а праздник различия; не будем же портить его грубыми анахронизмами.

²² Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М., 1986. С. 92–93; Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. М., 1994. С. 147–148.
²³ Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 70, 72.